

Keywords: Chinese socio-political text, etymology, connotative meanings, impact upon the world view.

Новік О. О.

(м. Санкт-Петербург, Росія)

АЛБАНЦІ ПРИАЗОВ'Я: ВЕСІЛЬНА ОБРЯДОВІСТЬ У КОНТЕКСТІ ЗБЕРЕЖЕННЯ ТРАДИЦІЙ ПОЛІЕТНІЧНОГО РЕГІОНУ (МАТЕРІАЛИ ЕКСПЕДИЦІЙ 1998–2008 РР.)

У статті проаналізовано матеріал, зібраний автором в албаномовних поселеннях Приазов'я. Основна увага приділена шлюбним стосункам, вибору шлюбного партнера, весільній обрядовості в умовах поліетнічного регіону. Балканські традиції, принесені переселенцями на нові місця, зазнали трансформацій під впливом культурної інтерференції, яка характерна для місць спільного проживання албанців, болгар і гагаузів.

Ключові слова: традиційна культура, албанці, болгар, гагаузи, весільна обрядовість, культурна інтерференція.

В течение 1998–2008 гг. мною проводилось этнолингвистическое изучение Приазовья. За это время были совершены экспедиции в албанские, греческие, гагаузские и болгарские поселения с целью исследования состояния языка и культуры их населения. Большее внимание мною было уделено албанским селам в силу интереса к албанской проблематике в целом, а также потому, что длительное время, а именно, с 1970-х годов, не проводилось масштабного и планомерного изучения этих сел. Во всяком случае, публикации последних лет базировались на полевых материалах, собранных несколькими десятилетиями ранее [8, 254–287; 4, 117–151; 17].

Из четырех сел, находящихся на территории Республики Украина, в которых проживает албанское население, три села расположены в Запорожской области. Это село Георгиевка (бывшее название Тюшки), село Девнинское (бывший Таз) и Гаммовка (прежнее название Джандран). Все три села расположены в Приазовском районе Запорожской области. В данной статье я постараюсь осветить материал, непосредственно связанный со свадьбой и брачными связями и отношениями в изучаемом регионе.

Названные выше поселения возникли в 1861–1862 гг. Их основали выходцы из Каракурта (ныне село Жовтнево Болградского района Одесской области). А в сам Каракурт албанцы с Балканского полуострова переселились в 1811 г. Переселение единоверцев с Балканского полуострова было санкционировано русским властями, заинтересованными в заселении Приазовья и Причерноморья, отошедших в результате длительных войн с Турцией к России.

В Приазовские степи селились люди различной этнической

принадлежности [7, 5]. В Георгиевке и Девнинском население изначально было почти исключительно албанским. В Гаммовке албанцы проживали совместно с гагаузами. В ближайшей округе возникли болгарские, украинские, русские, а также смешанные поселения. Долгое время население албанских сел оставалось почти полностью моноэтническим (за исключением Гаммовки). До 1920-х годов албанцы вообще не признавали и не приветствовали межэтнические браки. Старики считали, что их сыновья могут жениться только на албанках. И дочерей выдавали тоже исключительно за албанцев. Такое положение существовало довольно долго.

После лихолетья двух революций и гражданской войны в селах значительно сузились возможности выбора брачного партнера. И межэтнические браки стали возможны. Однако несколько десятилетий эта свобода выбора ограничивалась весьма малым списком народов, за представителей которых можно было выходить замуж или жениться. Вступать в брак разрешалось со «своими», а именно с болгарами и гагаузами. Всех прочих считали «чужими». Это и понятно. Ведь предки современных приазовских албанцев несколько веков прожили среди болгар и гагаузов. Ушедшие с албанской территории ориентировочно в XVI в., поселения обосновались вначале в Восточной Болгарии, в районе Варны. Там они проживали совместно с болгарами и гагаузами. А затем, в начале XIX в., спасаясь от усиливающегося гнета османских чиновников, переселились в пределы Российской империи. Вместе с албанцами переселялись болгары, гагаузы, греки, представители других народов [10].

На новых землях албанцы впервые столкнулись с русскими и украинцами, молдаванами и ногайцами*. Жизненный уклад, бытовые установки, традиции и обычаи тесным образом связывали албанцев с другими выходцами с Балканского полуострова. Владели албанцы, помимо своего родного – албанского [17], еще и гагаузским, и болгарским языками. Без знания языков соседей нельзя было свободно общаться, иметь хозяйственные и личные связи [12, 178–179]. Русскоязычные люди были совершенно новым этносом, с которым албанцы столкнулись в Буджаке (междуречье Днестра и Прута). Но общение с русскими ограничено было, как правило, лишь общением с русскими чиновниками – представителями властей. На бытовом уровне общения с русскими и украинцами первое время после переселения в пределы Российского государства практически не было. После переселения в Приазовье связи с русскоязычным населением усилились, однако некоторая настороженность и отчужденность все же сохранялись. Как вспоминают информанты, вплоть до второй мировой войны албанки русскими пугали своих детей: «Придет русский и заберет тебя». Если в селе неожиданно появлялась какая-нибудь подвода из районного центра с начальством либо

* Научные изыскания здесь начал проводить акад. Н. С. Державин. Затем, начиная с 1948 г., многочисленные экспедиции предпринимались Ю. В. Ивановой. Прямо либо косвенно проблематики говора и культуры албанцев Украины касались ученые Санкт-Петербургского государственного университета и Института лингвистических исследований РАН.

еще кто-нибудь «чужой», то женщины гнали ребятишек домой и прятались: «Русские едут!».

Распространение межэтнических браков среди албанцев, болгар и гагаузов приняло в 1920–1930-е годы систематический и масштабный характер. Многие представители старшего поколения противились ломке старых установок и запретов. Однако молодежь стойко сопротивлялась и, как правило, добивалась разрешения на брак с представителем другого этноса. В это время особенно распространился обычай умыкания невесты по обоюдному сговору. Так, жених пробирался ночью или на рассвете к дому невесты и увозил ее в свое село. После присылались сваты, и не оставалось ничего другого, как играть свадьбу. Родители невесты, таким образом, в некоторой степени сохраняли свое лицо. В принципе они не одобряли брак своей дочери-албанки с, скажем, болгариним. Но настойчивый жених добивался своего путем умыкания суженой. Сей обычай был знаком балканским поселенцам много веков. Родители в глазах общественности тоже не теряли авторитет. Они хотели бы выдать дочь замуж за албанца, да настойчивый болгарин оказался весьма проворным. Схожая картина наблюдалась и в болгарских и гагаузских селах.

Важным фактором, влияющим на выбор брачного партнера, была вся советская система в целом. Об этом информанты как-то совершенно забывают в своих рассказах. Конечно, молодые комсомольцы и коммунисты, работавшие в период всеобщей коллективизации в тракторных и полевых бригадах, на фермах и колхозных садах, знакомились друг с другом уже не с помощью свахи или родни, а непосредственно в процессе труда. Между молодыми людьми возникали симпатии, отношения. И многие уже не спрашивали разрешения у родителей, а тем более, у других родственников. Брак заключали по любви, а не согласуясь с пожеланиями родителей и приоритетами семейных связей. Зачастую в брак вступали из духа противоречия, чтобы доказать свою самостоятельность в праве выбора партнера. Новая советская идеология ломала сложившиеся традиции [5, 87]. И в приобщенности к новым порядкам и установкам виделась явная прогрессивность взглядов. При сложившейся к тому времени системе выбора брачного партнера нововведения, вне сомнения, давали больше свободы и прав в создании новых семей. Однако нынешними информантами данная ситуация положительно не оценивается. Многие видят в ней начало процесса утраты этнической идентичности. «Раньше было правильно, когда родителей спрашивали, а потом все потеряли», – говорят многие из них. Однако, когда говорят о себе, то с удовольствием подчеркивают, что женились или выходили замуж по любви, без принуждения и без решающего слова родителей.

Голодомор 1934 г. на Украине не обошел стороной албанские села. В Приазовье погибло множество людей самых разных национальностей. Жуткие картины того времени оставили неизгладимый след в памяти народа.

Множество пожилых информантов с содроганием вспоминают события тех лет. В албанских селах голодомор вспоминают чаще и с большим волнением, чем военные годы. После гибели большого количества людей множество сел и дворов в Приазовском районе опустело. Сюда советские власти стали переселять украинцев и русских из северных районов Украины. После окончания Великой Отечественной войны в здешних местах остро ощущался недостаток рабочих рук. В то же время в присоединенной к Советскому Союзу Западной Украине был переизбыток рабочей силы и нехватка рабочих мест. Официальный Киев стал переселять людей из западных областей Украины в ее восточную часть. Молодых незамужних девушек привозили на грузовиках в местные колхозы и устраивали на работу – кого на животноводческую ферму, кого в полеводческую бригаду и т. д. В скором времени стали возникать новые семьи – местные парни охотно женились на таких поселенках. К тому же старики уже не могли активно противиться межэтническим бракам. Население Приазовья стало еще более смешанным.

К этому периоду происходит коренной слом и во взглядах местных жителей на интимную сторону жизни. Если до середины 1940-х годов общество оставалось, несмотря ни на что, по большей части патриархальным, то с приездом новых работников и работниц отношения между полями становятся более либеральными. Молодые люди начинают вступать в интимные связи в более раннем возрасте. Это и понятно. Ведь прежде в селе все друг друга знали с детских лет, семьи были связаны родственными и свойскими отношениями, кумовством. Молодому человеку приходилось долго добиваться разрешения жениться у родителей. Как правило, девушки и парни имели первый опыт интимных отношений в свою брачную ночь. Установки и традиции коренным образом изменились с приездом чужаков. Албанские молодые люди уже не только глазели на приезжих девушек, но и могли добиться их близкого расположения. Так, по воспоминаниям многих информантов, до второй мировой войны внебрачная беременность была исключительно редким явлением. Ее всячески скрывали, пытались утаить и выйти каким-то образом из затруднительного положения. Это могла быть ускоренная свадьба либо помощь местной знающей женщины, специализировавшейся на освобождении от нежелательной беременности (а такие знахарки были почти в каждом селе). С середины 1940-х годов беременность до свадьбы перестала быть исключительно редким явлением. Тем не менее, это в обществе не одобрялось, а весьма осуждалось. Во всяком случае, местные албанские девушки старались быть более пуританских взглядов, чем их приезжие сверстницы (либо уж казаться таковыми).

Албанские юноши часто находили приехавших работниц более привлекательными и раскрепощенными и охотно на них женились, не желая продолжать ортодоксальные традиции своих семей. Приезжие девушки охотно выходили замуж за албанцев, находя их привлекательными и интересными. Важный фактор и тот, что албанские семьи, как правило, были

зажиточными. Во всяком случае, крестьянские хозяйства в Приазовье существенно выигрывали по сравнению со многими хозяйствами Западной Украины того времени. У албанцев были крепкие дома, хорошая утварь, дорогая одежда и обувь. Украинские невесты старались быстро влиться в албанские семьи и перенять уклад их жизни.

Начиная с середины 1940-х – начала 1950-х годов албанских юношей стали призывать в армию. До этого албанцы в армии не служили. В начале войны албанцев стали призывать на фронт, но потом власти стали отсеивать из армии представителей народов, находившихся под гитлеровской оккупацией либо воевавших на их стороне. Хотя албанцы сопротивлялись гитлеровской агрессии, их на всякий случай причислили к болгарам (а Болгария, как известно, входила в прогитлеровскую коалицию). Чтобы «чего не вышло», советская система причислила албанцев к числу «неблагонадежных» граждан, а потому долгие годы отказывала им в почетной обязанности служения отечеству.

Попав в армию, албанские парни в различных уголках Союза знакомились с девушками разных национальностей, а после службы в рядах вооруженных сил привозили их к себе домой в качестве жен. Так появились смешанные албанско-белорусские, албанско-татарские, албанско-мордовские и иные семьи. С этого момента происходит коренной перелом в укладе местных деревень. В албанские дома, в албанские семьи вливается иноэтничный элемент. В семьях, в которых традиционно говорили на албанском, в присутствии молодой невестки и снохи начинают говорить по-русски, чтобы она могла понять, о чем идет речь. Дети, рождавшиеся в смешанных семьях, становились сызмальства двуязычными. Причем первым языком для них зачастую становился русский. В быт албанцев входили русские установки, взгляды на организацию хозяйства, проникали суждения и оценки.

Приход в албанскую семью для девушек разных национальностей складывался различно. И здесь сказывались уже не столько кросскультурные различия, сколько психологический климат в семье. В некоторых домах к молодой женщине относились заботливо, пытались помочь и научить. В других, наоборот, привыкание происходило медленно, с конфликтами и обидами. Мне не раз приходилось выслушивать от украинских, русских и белорусских женщин противоположные мнения об албанцах. Так, одни говорили, что албанцы терпимы и хозяйственны, с ними легко сладить и влиться в одну семью. Другие рассказывали совершенно иные вещи. Так, одна информантка, русская из центральных районов России, заявила мне в д. Девнинском, что «вышла замуж за турка, и сама отуркманилась». К быту и установкам албанцев она так и не смогла привыкнуть за 30 лет замужества. Понятно, что многое зависит от индивидуальных качеств, от умения и желания приспособливаться к другим условиям.

Процесс увеличения числа межнациональных браков после 1950-х годов

неуклонно усиливался. Это можно легко проследить по похозяйственным книгам в сельсоветах Георгиевки, Девнинского и Гаммовки (похозяйственные книги Гаммовки хранятся в настоящее время в административном здании поселка городского типа Приазовье) [15, 85].

Чисто албанских семей, как говорят сами жители, практически не осталось. Почти всегда можно найти болгарского или гагаузского дедушку, русскую или украинскую бабушку. Тем сильнее подчеркивают свой «албанский род» сохраняющиеся еще в малом количестве несмешанные семьи. Но и в таких семьях албанская речь уже не звучит постоянно, как это было еще несколько десятилетий назад. Здесь свою роль сыграла школа. Школы в албаноязычных селах Украины были «русскими», т.е. преподавание в них велось на русском языке. Дети из албанских семей, приходившие учиться в первый класс сталкивались с большими языковыми проблемами. Они не могли понимать учителей, говоривших по-русски. Этот языковой барьер с трудом стирался. Чтобы у детей в будущем не было проблем с учебой, многие албаноязычные родители переходили разговаривать между собой в присутствии детей на русский язык. Таким образом, дети, приходившие учиться в школу, уже владели русским. Но в семьях, с родителями и, особенно, с представителями старшего поколения – бабушками и дедушками, а также со своими сверстниками-албанцами дети продолжали говорить на албанском языке. Как вспоминают учителя, еще 15–20 лет назад дети на школьных переменах разговаривали между собой по-албански. Сейчас школьники общаются по-русски. На албанском они могут разговаривать лишь с дедушками и бабушками, у которых принято говорить на родном языке. А украинский язык зачастую с трудом учится албанскими детьми.

С языковым вопросом неразрывно связан вопрос и этнической самоидентификации [3, 72–73]. Последняя перепись населения в Советском Союзе предоставила нам следующие цифры: на Украине проживало приблизительно 5 тысяч албанцев. В 1996 г. Республика Украина вводит гражданские паспорта нового образца. В них отсутствует графа «национальность». Учет населения ведется уже без учета этнической принадлежности. Единственной лазейкой, позволявшей до сих пор считать количество населения той или иной национальности, оставались похозяйственные книги, ведущиеся в каждом сельсовете [11]. Они-то как раз сохраняли графу «национальность». Работая с ними, можно было не только подсчитать количество албанского населения, но и проследить степень «престижности» подобной этнической идентичности. Так, в советские годы многие албанские семьи записывали своих детей русскими либо украинцами. Многие из них руководствовались соображениями дальнейшего карьерного роста детей – чтобы у них не было проблем из-за необычной национальности, как то часто случалось в разные периоды советской власти.

С момента провозглашения независимости Украины в 1991 г. стало

«модным» записываться украинцем. Многие усматривали существенные выгоды в формальной принадлежности к титульной нации новообразованного государства. Однако отсутствие экономических успехов в стране, идеологический кризис и разочарование в национальной политике привели к середине 1990-х годов к устойчивому желанию многих албанцев подчеркнуть свою этническую принадлежность. Люди не только перестали стесняться быть албанцами, но многие стали этим гордиться и, порой, кичиться. Зачастую даже если в семье лишь одна бабушка или дедушка были албанцами, внуки могут записываться албанцами. И здесь действуют несколько иные механизмы, чем, скажем, в случае принадлежности к немецкому, еврейскому или греческому этносу. Албанцем быть не выгодно, как в названных случаях. Албания не оказывает помощи, не действуют экономические программы и т. д. по поддержке диаспоры. В то же время люди декларируют свою этническую идентичность. И это устойчивый процесс.

Во время работы в албаноязычных селах в 1998 г. похозяйственные книги служили интересным источником информации [14]. Но с 2000 г. Украина ввела новые образцы книг в сельских радах. В них теперь, так же, как и в паспорте, не учитывается этническая принадлежность гражданина. А, следовательно, учет населения, принимая во внимание его национальность, можно проводить лишь исключительно статистическим способом и методом полевой работы [6, 249–253]. Так, в Георгиевке проживает 472 человека, в Девнинском 698, в Гаммовке 496 человек. В этническом отношении большинство составляют албанцы. Приблизительный подсчет говорит, что албанцев в указанных семьях больше половины. Работая с похозяйственными книгами прошлых лет и ведя параллельно опрос сотрудников местной администрации, которые хорошо знают местных людей, можно прийти к выводу, что в численном отношении албанцы – большинство.

Важным вопросом для изучения является свадьба. Свадьба – это та тема, на которую охотно говорят практически все информанты. И рассказывают с удовольствием. Это отратно, так как есть некоторые темы, на которые трудно беседовать с информаторами. К таким темам относится народная мифология, демонология, круг вопросов, связанных с армией, немецкой оккупацией и т. д. О свадьбе, повторюсь, все говорят с удовольствием и весьма подробно.

Опыт полевой работы подсказывает, что, рассказывая о свадьбе, информанты, как правило, пересказывают то, что было на их собственной свадьбе, в меньшей степени повествуют о свадьбе своих родственников, друзей и т. д. Это всегда приходится учитывать при работе. Поэтому часто возникают спорные моменты, когда информанты что-то пропускают из того, что их не касалось в дни торжеств, либо преувеличивают некоторые вещи, которые кажутся им весьма значительными. О собственной свадьбе часто рассказывают пожилые люди и люди среднего возраста до 50 лет. Их свадьба

кажется им вполне традиционной. Все, что устраивали после этого приблизительного рубежа (начиная с 1970-х годов), ими оценивается как нечто совершенно новое, не имеющее отношения к «настоящей» свадьбе. Молодые новобрачные воспринимают свою свадьбу как современную и далекую от отмечавшихся когда-то. Большинство молодежи склонно считать свадьбы, игравшиеся в старину, более веселыми и интересными, но устраивать свои торжества по примеру бабушек и матерей не хотят. Ими движет уже фактор престижа [1, 186–187].

В данной статье я остановлюсь на свадьбе, которую играли в 1930–1940-е годы. С 1950-х годов, по общему мнению жителей албанских сел, произошли существенные изменения в проведении свадеб. Многие старые обычаи ушли совсем или были заменены новыми, характерными не только албанцам, но и всем представителям других народов, проживающих по соседству. Мой материал опирается, главным образом, на сведения, полученные мною у жительницы села Георгиевки Анны Кирилловны Бурлачко 1940 г.р. Анна Кирилловна, уроженка Георгиевки, считается авторитетом в селе по части знания албанского говора и местных традиций. Сведениям информантки можно доверять, так как она, будучи ребенком, принимала участие во всех свадебных церемониях и являлась наблюдателем почти всех обрядовых действий. Ее тяга к участию в подобных мероприятиях поощрялась отцом, и это позволяло ей всегда быть среди взрослых. А малый возраст давал возможность наблюдать и за мужской частью свадьбы, и за женской, так как мужчины воспринимали ее как ребенка, а не как представительницу прекрасного пола, а женщины не прогоняли, так как считали своей.

Краткий план ключевых этапов свадебного обряда такой [13].

Когда в семье вырастал сын, вставал вопрос о его женитьбе. Родители торжественно спрашивали сына, есть ли у него невеста. Получив утвердительный ответ, принимали решение идти в дом невесты. Как правило, это происходило после храмового праздника села (в Георгиевке он отмечается 21 сентября). Родители жениха отправлялись (строго в субботу) в дом невесты спрашивать ее родителей, согласны ли они. Последние о предстоящем визите предупреждались заранее. Пришедших усаживали в доме на почетном месте на *клесэр* – продолговатую подушку с домотканой шерстяной наволочкой). *Клесэр* часто использовался в обрядовых действиях, был непременным атрибутом важнейших ритуалов. Родители невесты вызывали дочь и спрашивали, согласна ли она выйти замуж. Если она была согласна, то назначали день сватовства – помолвки (в албанском говоре Украины называется *рурэ*). В указанные годы уже практически не было случаев, когда невеста совсем не знала жениха, и свадьба устраивалась по договоренности родителей. На «спрос» подарков в дом невесты не носили. А родители невесты пришедших не угощали и также ничего не дарили [ср. 16].

На *рурэ* из дома жениха отправлялась целая процессия – самое меньшее 15 человек. Это были родители жениха, сам жених, ближайшие

родственники. Процессию сопровождал приглашенный специально музыкант. Обязанности сельского музыканта были почетными, а его труд оплачивался. Когда приходили в дом невесты, то обменивались с хозяевами подарками: полотенцами, фартухами, рубахами. Мать жениха дарила невесте следующее: отрез на платье, фартух, платок, бусы, браслет, серьги. Кольцо не дарили, его вручали в день свадьбы (надевали на мизинец правой руки). Невеста после визита провожала жениха до ворот и удалялась в свою комнату. Присутствующие оставались «гулять» до утра. Пили ракию, вино, закусывали. Всю ночь пели и танцевали. Часов в 6–7 утра расходились. Родственников жениха провожали по улице к дому. Это считалось обязательным. На *рурэ* договаривались, когда состоится свадьба. Обычно свадьбу назначали через месяц. Невеста после помолвки ходила в той одежде, которую ей подарила будущая свекровь. Встречая кого-нибудь из родственников жениха, бывших на помолвке, невеста целовала им руку с обеих сторон троекратно. Обычай целовать руки старшим был широко распространен в албанских селах. Такой же обычай есть и среди других балканских переселенцев [9, 181].

Основные приготовления накануне свадьбы начинались в четверг. В этот день в домах жениха и невесты резали скот, готовили мясо. Женщины приступали к приготовлению всевозможных блюд. Родители жениха договаривались о свадьбе с крестным молодого. В албанском говоре крестный называется *нун*. *Нуну* отводится большая роль как в свадебном обряде, так и вообще в семейной обрядности и общественной жизни. *Нун* — это также и посаженный отец на свадьбе, и кум. Жена кума — *нунэ* — это и крестная мать, и посаженная мать на свадьбе, и кума. *Нунэ* покупала невесте фату и венок. На свадьбе *нун* и *нунэ* играют большую роль, чем даже родители молодых. Такая же традиция существовала и на Балканах.

В пятницу в дом невесты приходили ее подружки, родственницы, главная из них — дружка (по-албански *шоке*). В этот день собравшиеся в дом невесты девушки отправлялись оповещать о свадьбе родственников и друзей в своем селе и округе. Вечером девушки, вернувшись после обхода домов родни, пекли свадебный пирог.

В субботу рано утром начинались приготовления к свадьбе. В домах невесты и жениха готовили кушанья. Вечером этого дня начиналось застолье. Собирались все родственники и приступали к трапезе. Гостей, пришедших в дом, было необходимо угостить.

Рано утром в воскресенье в доме жениха начинались приготовления к большому застолью. Крестная жениха вместе с родственниками отправлялась за невестой. Жених ожидал невесту в ее дворе. К нему молодую выводила маленькая девочка. Во двор выходили родители и родня невесты, они благословляли молодых. Все отправлялись в церковь. Из церкви процессия направлялась в дом жениха. После того, как церковь в селе разрушили, все участники свадебной церемонии направлялись в сельсовет, где происходила

рописи новобрачных. И тогда уже из сельсовета процессия направлялась в дом жениха. Здесь молодым предстояло жить.

В дом молодоженов вводила крестная жениха. Невеста становилась в угол стола. Она не сидела вместе с гостями, а все время находилась на ногах. Свои места занимали гости. Играла музыка, приглашенных обносили спиртными напитками, подавали закуски. Вино и водка не стояли на столе в свободном доступе. Разлитые в стаканы спиртные напитки приносили на подносе в комнату и обносили ими гостей. Вначале подавали почетным гостям, затем близкой родне, затем более далеким родственникам. Самые почетные места на свадьбе занимали *нун* и *нунэ*. Застолье продолжалось до 6–7 часов вечера. Затем подавали сладкую лапшу. После этого блюда гости должны были вставать и расходиться. Крестных провожали до дома.

После брачной ночи с утра вновь собирались гости. Их угощали, и веселье продолжалось по подобию первого дня.

После свадьбы в течение месяца молодая ходила каждую субботу в родительский дом, там она мыла голову, мылась сама и возвращалась в дом мужа. Спустя месяц молодая становилась полноправным членом новой семьи. Таким были основные этапы традиционной для 1930–1940-х годов свадьбы в Георгиевке.

В 1950-е годы условия проведения свадеб изменились. Роль крестных уже не была столь велика, как прежде. Свадьбу могли отмечать не все указанные дни, а ограничиться одним днем. В связи с тем, что в селе появились приезжие, в свадебную обрядность стали заимствоваться другие действия, которые казались местным жителям интересными и нужными. Со времени 1950-х по 1990-е годы свадьба в албанских селах приближалась к свадьбам, распространенным в других регионах, и не только Украины, но и бывшего Советского Союза [16, 245–246]. Многие обычаи были совершенно забыты. И о них сейчас с тоской вспоминают представители старшего поколения.

Во время полевой работы мною был собран значительный языковой и этнографический материал, касающийся свадьбы, который еще требует серьезного изучения. Мне довелось работать с информантами, которые еще помнили албанские свадьбы в начале XX в. Также были записаны тексты о свадьбах в настоящее время. Сопоставление такого материала может дать много нового и интересного о традиционной культуре и жизни албанцев на территории Украины. Подводя некоторые итоги, хочется отметить, что албанцы Приазовья до сих пор продолжают говорить по-албански, продолжают отмечать албанские праздники, петь песни на болгарском языке, которые они считают «своими», и готовить албанские блюда. Работы для этнографов и лингвистов этот регион может предоставить множество. И албанская самобытность, вопреки некоторым прогнозам, сохраняется в селах, основанных полтора столетия назад. А старые свадьбы, которые играли в здешних селах больше полувека назад, оцениваются местными жителями как «настоящие» и подлинно традиционные. Фольклорный ансамбль,

работавший в селе Георгиевка, ставил такую свадьбу на сцене клуба культуры в 1990-е годы. Все представление длилось 2 часа. Постановка албанской свадьбы была столь удачной и вызывала такой интерес, что с ней самостоятельный коллектив проехал пол-Украины, участвуя в фестивалях и конкурсах. Подобный же интерес к традиционной свадебной обрядности мы отмечаем и теперь, когда возрождается потребность знания истоков собственной культуры.

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М.: Наука, 1989.
2. Державин Н. С. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР / Н. С. Державин // СЭ. – 1948. – № 2. – С. 156–170. ; Иванова Ю. В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде: На примере албанских поселений на юге Украины в XIX–XX вв. / Ю. В. Иванова // СЭ. – 1981. – № 4. – С. 95–107. ; Шарапова Л. В. Албаноязычные поселения Болгарии и Украины / Л. В. Шарапова // Основы балканского языкознания. – Т. 1: Языки балканского региона. – Л., 1990. – С. 114–125.
3. Етнокультурні процеси в Запорізькому краї у XIX–XX ст. – Мелітополь: Скрипторій, 2001.
4. Жугра А. В., Шарапова Л. В. Говор албанцев Украины / А. В. Жугра, Л. В. Шарапова // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов / [отв. редактор Ю. К. Кузьменко]. – СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1998.
5. Иванова Ю. В. Особенности формирования хозяйственного комплекса многонационального района Приазовья / Ю. В. Иванова // Культурно-бытовые процессы на юге Украины / [отв. редактор Ю. В. Иванова]. – М.: Наука, 1979.
6. Иванова Ю. В. Система немассовых опросных листов для оценки устойчивости этнокультурной среды населения / Ю. В. Иванова // Методы этноэкологической экспертизы. – М., 1999.
7. Иванова Ю. В., Чижикова Л. Н. Из истории заселения Южной Украины / Ю. В. Иванова, Л. Н. Чижикова // Культурно-бытовые процессы на юге Украины / [отв. редактор Ю. В. Иванова]. – М.: Наука, 1979.
8. Котова Н. В. Материалы по албанской диалектологии: Албанские говоры Украины / Н. В. Котова // Учен. зап. Ин-та славяноведения. – 1956. – Т. 13.
9. Ксенофонтowa-Петренко О. Н. Семейные обряды в селе Сартана / О. Н. Ксенофонтowa-Петренко // Культурно-бытовые процессы на юге Украины / [отв. редактор Ю. В. Иванова]. – М.: Наука, 1979.
10. Народи Північного Приазов'я (етнічний склад та особливості побутової культури) / [ред. кол.: І. П. Аносов, М. В. Елкін, Б. М. Кочерга, В. В. Крижко, В. С. Повілій]. – Запоріжжя; К.: Просвіта, 1997.
11. Новик А. А. Албанцы Украины. Запорожская, Одесская области: [Полевые

- записи] / А. А. Новик. – 1998. – Архив МАЭ РАН. – Фонд К-1, опись 2. – №1724.
12. Новик А. А. К истории поселения немецких колонистов в Приазовье (по материалам этнографической экспедиции 1998 г.) / А. А. Новик // Мавродинские чтения : Сб. статей / [под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова]. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 2002.
 13. Новик А. А. Свадебная обрядность у албанцев Приазовья (по материалам экспедиций последних лет) / А. А. Новик // Университетские Петербургские Чтения. 300 лет Северной столице : Сб. статей / [под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова]. – СПб. : Изд-во «Знаменитые универсанты», 2003. – С. 751–758.
 14. Новик А. А. Свадебный обряд у албанцев села Георгиевка / А. А. Новик // Материалы XXVIII межвуз. научн.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. – Вып. 21 : Балканские исследования. – Ч. 1 / [отв. ред. А. В. Жугра, А. Ю. Русаков]. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – С. 29–31.
 15. Новик А. А. Экспедиция к албанцам Приазовья и Буджака 1998 г. / А. А. Новик // Малый диалектологический атлас балканских языков : Материалы третьего рабочего совещания (Санкт-Петербург, 18 декабря 1998 г.) / [отв. редактор А. Н. Соболев]. – СПб. : Наука, 1999.
 16. Пономарьова І. С. Етнічна історія греків Приазов'я (кінець XVIII – початок XXI ст.). Історико-етнографічне дослідження / І. С. Пономарьова. – К. : Реферат, 2006.
 17. Voronina I. I. E folmja e shqiptareve te Ukraines / I. I. Voronina, M. V. Domosileckaja, L. V. Sharapova. – Shkup : Shkupi, 1996.

Alexander Novik

ALBANIANS IN PREAZOV: WEDDING RITUALISM IN THE CONTEXT OF TRADITIONS' PRESERVATION IN THE POLYETHNIC REGION (EXPEDITIONARY MATERIALS OF 1998–2008)

The matirial self-collected in the settlements of Preazov with albanian language is analized in the article. Marriage relationships, choice of the partner and wedding ritualism constitute the main accent of the article. Balkan traditions which were brought to the new places by migrants have transformed under the cultural interference influence in areas of compact habitation of Albanians, Bulgarians and Gagauzes.

Key words: traditional culture, Albanians, Bulgarians, Gagauzes, wedding ritualism, cultural interference.

Пилипчук Я. В.

(м. Київ, Україна)

«НЕ-ДИКІ» ПОЛОВЦІ НАПЕРЕДОДНІ МОНГОЛЬСЬКОГО